

АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА В ИССЛЕДОВАНИИ АМЕРИКАНСКОЙ СЛАВИСТКИ С. САНДЛЕР

Стефани Сандлер, профессор кафедры славянских языков и литератур Гарвардского университета, в последние годы определяет направление исследований русскоязычной литературы в американской славистике. В сферу её научных интересов входит современная русская и американская поэзия, творчество женщин-писательниц и теория феминизма; она стала автором новой «*History of Russian literature*» («История русской литературы»), «*The Freest Speech in Russia: Poetry Since 1989*» («Свободная речь в России: поэзия с 1989 года»), переводчиком и издателем сборника стихов и прозы Ольги Седаковой «*In Praise of Poetry*» («Хвала поэзии»). Творчеству А. С. Пушкина посвящены две её монографии, одна из которых, «*Distant Pleasures: Alexander Pushkin and the Writing of Exile*» («Далёкие радости: Александр Пушкин и творчество изгнания» [1]), была переведена и издана на русском языке в 1999 году в Санкт-Петербурге «Академическим проектом».

Исследование С. Сандлер посвящено анализу произведений А. С. Пушкина, созданных за время ссылки с 1820 по 1826 годы. Произведения, рассматриваемые в четырёх главах книги, сгруппированы по жанрам: лирическая интонация ранних стихотворений и южных поэм; драма «Борис Годунов», первые главы романа «Евгений Онегин». При этом автор не стремится дать точные определения пушкинским жанровым инновациям, а пытается раскрыть «решения конкретных поэтических проблем, которые Пушкин демонстрирует в каждом из этих текстов» [1, с.18]. Центральным в книге становится понятие «дистанции»: отдаления автора от читателя, автора от его героя, читателя от текста и т.п.; а также автор сосредоточен на анализе специфических поэтических средств, с помощью которых Пушкин одновременно и создает и преодолевает эту дистанцию, эту отдаленность. Исследовательский метод С. Сандлер можно назвать «медленным чтением» (*close reading*) с элементами структуралистских и деконструктивистских подходов, основанных на концепции активного отношения интерпретатора к тексту. Ориентация на философию и практику постмодерна заявлена в предисловии: «...Работы Жака Дерриды, Эдварда Сэйда, Пола де Мана... научили меня рассматривать отношения между текстом и критическим материалом как взаимные, научили меня понимать, что в научных трудах, несмотря на всё их тяготение к цитатам и фактам, плетутся небылицы, правдоподобные, поскольку они полезны, и разумные, поскольку предлагают занятные ответы на вопросы, на которые кто-то другой вполне мог бы дать ответ совершенно противоположный» [1, с.17]. Поддержку находит С. Сандлер и в опыте русской семиотической школы Ю. Лотмана, поскольку предмет её интереса «являются те моменты пушкинского творчества, где сомнению подвергается само значение», и в теории М. М. Бахтина, поскольку главная установка исследователя – «в возможности бесконечного множества толкований» [1, с.17]. В целом указанная методология позволила автору не только выяснить, как отразился на творчестве Пушкина опыт южной ссылки и вынужденного затворничества в Михайловском, но и по-новому сформулировать вопросы, связанные с прочтением произведений, созданных в это время. Общий итог сводится к тому, что определяя конечный способ прочтения как «прочтение самих себя», произведения периода ссылки, по мнению С. Сандлер, являются богатным материалом для исследования того, как поэт обозначает

свое присутствие в тексте и как он обращается к читателям. Несмотря на некоторые противоречия, в целом исследовательница приходит к вполне согласованным выводам: «я» Пушкина чётко ассоциировано с осознанием себя русским поэтом: в ссылке Пушкин стал Пушкиным; интроспективность лирики, чему способствовало ссыльное уединение, не лишила поэзию Пушкина общественного накала: «обращенность лирики Пушкина внутрь себя позволила написать стихотворения, предполагавшие обращенность во вне, к публике» [1, с.14]; жанры и темы произведений периода ссылки выбраны по ориентации на собратьев по перу: Жуковского, Карамзина, Шекспира, Байрона; Пушкин участвовал в процессе развития современной ему русской литературы, осознавая достаточные возможности, чтобы стать её лидером: с трагедией «Борис Годунов» Пушкин связывал надежду реформировать русский театр; форма поэтических повествований в южных поэмах и романе в стихах «Евгений Онегин» есть способ разговора поэта с читателем.

Сложнее оказалось с прояснением вопросов мировоззренческого плана: Сандлер сомневается, насколько критически Пушкин относился к крепостничеству, хотя анализ стихотворения «Деревня», написанного за год до ссылки, казалось, должен был убедить автора в однозначном мнении на этот счёт. Смущает и вывод о «неадекватной оценке Пушкиным истинного трагизма русской экспансии для отдельной личности» в южных поэмах, в некоторых местах он назван даже «колониальным поэтом». Не понятны упреки поэта в симпатии либеральному гуманизму, признающего свободу для одних лишь мужчин; отдавая должное феминистской ориентации, в последней главе исследовательница поднимает вопросы взаимоотношения полов, защищая героинь южных поэм, которым «отказано в самовыражении и в голосе». Прочтение и анализ глав «Евгения Онегина» также вносит определенные коррективы в традиционный, но ошибочный, по мнению С. Сандлер, взгляд на образ «сильной женщины».

Интересными представляются обозначенные С. Сандлер исследовательские подходы в работе с текстами А. С. Пушкина. С. Сандлер называет это «риторическими приемами», заимствованными у самого поэта. Первый, олицетворение, помогает представить тексты Пушкина как субъекты, как действующие лица, которые разговаривают с нами, намекают, указывая читателю направление и возможности понимания, особенно в анализе лирических произведений, не случайно глава, посвященная выявлению пушкинской лирической интонации, названа поэтично «Далекий голос». Второй – самоограничение, или самоотречение (применительно к творчеству Пушкина) соотносится с «медленным чтением», постепенным проникновением в текст: абзац за абзацем, от заблуждений и ошибок, от одних мнений к прямо противоположным автор следует за текстом.

Для исследовательницы важным было отразить особенности художественного мышления русского поэта, сложившиеся во время ссылки. Центральные анализируемые произведения – стихотворение «Деревня», написанное до ссылки, драма «Борис Годунов», ставшая, вершиной драматического творчества, первые главы романа «Евгений Онегин», работа над которым продолжалась ещё 5 лет после ссылки – соотносены с этапами становления Пушкина как выдающегося поэта. Важным является заключение С. Сандлер о единстве творческого мышления Пушкина во время южной ссылки и последующей, в Михайловском, где продолжилась работа над произведениями,

начатыми на юге, и где парадоксальным образом соединились для поэта домашний очаг, место плодотворной работы, воспоминания о прошлом и «тайные помыслы грядущих возвращений». Именно ссылки, считает С. Сандлер, оказали на А. С. Пушкина значительное влияние и стали следствием его «парадоксальной свободы и обновления», что не стоит воспринимать как романтическое клише: затворничество порождает вдохновение, но что даёт возможность рассматривать произведения Пушкина периода ссылок как единое целое.

Многие наблюдения С. Сандлер оставляют сомнения, возможно, погрешности перевода с английского языка на русский не позволяют предельно ясно и убедительно представить суть исследовательской мысли. Однако нельзя не согласиться, с оправданием, данным автором с отсылкой к Пушкину же: «любые действия меняются, когда их начинает воспринимать другое мыслящее существо» [1, с.186]. Два десятилетия творческой деятельности Пушкина стали основой великой русской литературы, а развитие этой литературы неизбежно повлияло и на прочтение самого Пушкина. Тексты Пушкина бесконечно сопротивляются попыткам однозначной интерпретации, в них всегда останется что-то, не замеченное раньше.

Литература

Сандлер, С. Далекие радости. Александр Пушкин и творчество изгнания / С. Сандлер. – СПб. : Академический Проект, 1999. – 224 с.